

Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления

Бочкарёв С.А.,

кандидат юридических наук,

старший научный сотрудник Института государства и права РАН,

E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на негативные результаты, достигнутые наукой уголовного права при следовании в развитии его теории по дезаксиологическому пути. Рассмотрена и обоснована возможность и полезность аксиологического подхода при познании уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, объект преступления, субъект уголовного права, аксиология права, онтология права, метафизика, ценности.

Квазиценность современного учения об объекте преступления служит одним из убедительных доказательств актуальности заявленной темы. Недостаточная исследованность названного учения и теории всего уголовного права в мировоззренческом контексте уже привела к тому, что на их уровне сегодня предлагают охранять либо индифферентные, с аксиологической точки зрения, «общественные отношения», либо «правовые блага», которые в свое время были выбраны криминалистами во многом из-за терминологического удобства наименования всего множества объектов преступлений¹. Дальнейшее развитие в дезаксиологической традиции чревато необратимыми последствиями. Судите сами. Сегодня именно на сознательном уровне у специалистов возникает твердая уверенность в том, что в содержательном плане «ценность» не пригодна для познания и обозначения объекта преступления. По их убеждению, к сопоставлению и сравнению отмеченных категорий можно прибегать лишь в целях терминологической экономии².

Возвращение из досоветского периода феномена «правовое благо» в некоторой степени и на непродолжительное время нивелировало критический уровень отчужденности теории уголовного права от его собственной системы ценностей. В силу своего наименования феномен сосредоточил внимание специалистов на самих по себе благах. Однако знания об их сущности так и не были востребованы. Из-за позитивистского происхождения концепция «правовых благ» не решила проблем учения об объекте преступления. Она ушла от углубления в сложную природу охраняемых благ и предложила специалистам оставаться на поверхности — пойти по наиболее простому и незамысловатому пути: определять ценность защищаемых объ-

ектов через их отождествление с предметами посягательств и сравнение с уровнем полезности и востребованности (ценой) последних в быту.

В итоге современная теория уголовного права так и осталась вне аксиологического поля, поставив тем самым под серьезное сомнение свое стремление и способность служить праву, иметь к нему отношение в принципе. Для истории права такие учения не новы. Ей известны концепции, которые носили дезаксиологический характер и видели в праве проявление одной из форм метаболизма. Однако надолго в умах специалистов они не задерживались³ и весьма скоро уходили в небытие. Причина такого исхода состоит в их несоответствии онтологическим основаниям права. С бытийных позиций представляется очевидным, что уголовное право априори не может пребывать вне ценностного контекста. Оно всегда действует между добром и злом как генеральными ценностными установками и социообразующими категориями, которые, говоря словами Н.А. Бердяева, стоят выше и глубже человеческих интересов, в центре всех делений и противоположений мира⁴. В том случае, когда теория и право как ценностно не совместимые явления все же находят друг друга и становятся общепринятой для всех догмой, ничего положительного от их взаимодействия ожидать нельзя. При смешении теория как форма будет превращать право как содержание в «неправо» — в один из трех его видов, которые в свое время описал Г.В.Ф. Гегель. Речь идет о чистой видимости (то есть пустой абстракции), обмане или преступлении⁵. Возможно, сегодня такого рода процессы уже происходят. Нескончаемые и скоротечные, противоречивые и взаимоисключающие изме-

¹ См.: Бочкарёв С.А. Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 125–132.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 2005. С. 103–104.

³ К примеру, антропологическая школа уголовного права, родоначальником которой стал итальянский врач-психиатр Ч. Ломброзо.

⁴ См.: Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. С. 672.

⁵ См.: Гегель В.Г.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера; вступ. ст. В.С. Соловьева; примеч. В.С. Нерсесянца. М.: Мир книги: Литература, 2007.

нения уголовного закона заставляют задуматься о том, что современная уголовно-правовая мысль уже развивается по одному из описанных немецким мыслителем путей.

Но на этом характеристика состояния теории не исчерпывается. Положение усугубляется тем, что собственных сил для самореференции и обнаружения отмеченных результатов своего развития, их взаимосвязи и обусловленности у нее не хватает. Недостаточно их и для понимания того, что в одном ряду с отмеченными негативными последствиями закономерно стоят и другие проблемы теории изучаемого права. Всех проблем не счесть, но в этом и нет необходимости. Нужно исходить из того, что каждая из них в силу тимологической сущности права может и обязательно должна рассматриваться с аксиологических позиций. Достаточно упомянуть, что одна из главных проблем уголовного права состоит в сложности его идентификации, установления наличия у отрасли собственного предмета, в возникших на практике затруднениях законодателя — выразить, правоприменителя — квалифицировать, а обывателя — без труда найти в жизни и по достоинству оценить специфические черты именно этого права (прежде всего, императивы и их пределы).

При рассмотрении уголовного права с аксиологической позиции проблема наличия или отсутствия у него отличного от других отраслей предмета не возникает. Для аксиологов представляется очевидным, что специфику отрасли или ее трудноуловимые сущностные черты надлежит отыскивать не столько в предмете и методе как в чистых и сугубо теоретических абстракциях, сколько в особенностях охраняемых объектов и оценивающих их субъектов. Речь идет об основных составляющих аксиологии уголовного права. Прежде всего о: 1) правовых благах, которые находят свое отражение только в уголовном праве и с опекой над которыми исключительно оно может справиться, а также о: 2) субъектах рассматриваемого права, которые по-своему в нем представлены и оценивают защищаемые блага.

Заявленное предложение может показаться одновременно и неоригинальным, и необычным. Ординарность его состоит в том, что по ценностному ориентиру уголовное право уже не в первый раз пытались отличать от других отраслей права. Известны давние и основательно проработанные К. Биндингом, Р. Йерингом, Г.-Ф. Гельшнером, Ф. Листом, Ф. Шталем, Ж. Ортоланом, Н.А. Неключодовым, В.Д. Спасовичем и др. попытки выделения и разделения гражданской и уголовной неправды по объекту их посягательств. Однако ни один из вариантов дифференциации неправд

не вызвал у юридического сообщества полного одобрения. Разработка смешанных теорий, включающих в себя субъективные и объективные признаки, положения дел принципиально не улучшила. Практически каждый из выработанных критериев подвергался критике либо из-за его явного или скрытого присутствия в обеих отраслях права, либо из-за непостоянства самих неправд, их изменчивости по отношению друг к другу.

По причине обретения твердой убежденности в условном характере искомой границы, криминалисты потеряли надежду на обретение более или менее устойчивого критерия. Внушительный ряд специалистов вообще усомнился в наличии смысла и исторической обусловленности обособления двух неправд, необходимости дальнейшего обоснования их самостоятельности. Выразили готовность, по сути, оставить в прошлом наработанный опыт в понимании неправд и вернуться к тем временам, когда на заре культурного развития человечества, как отмечал А.М. Винавер, неправды не отличались. Существовало единое представление о неправде⁶. В итоге как в досоветский, советский, так и в постсоветский периоды большинство юристов продолжает гласить вслед за С.В. Познышевым об отсутствии какой-либо принципиальной границы, разделяющей смежные области этих неправд. Считать, что все различие между ними сводится к различию в последствиях, которые для каждого народа, в каждый момент его развития должны определяться законодателем⁷.

Исход дискуссии вполне прогнозируем. Он всецело соответствует позитивистской традиции. К тождественному результату подошла современная версия отмеченного спора при разрешении вопроса о наличии у уголовного права отличного от других отраслей предмета. Вне зависимости от используемой модераторами этих дискуссий аргументации их итог не мог быть иным, поскольку возникшая полемика имела и до сих пор имеет самое отдаленное отношение к аксиологии уголовного права. Несмотря на работу исследователей с охраняемыми объектами как с основным воплощением уголовно-правовых ценностей, при разграничении неправд дело так и не доходило до познания сущности правовых благ и поиска в них отраслевой специфики. Дискуссия о ценностях без научно оправданных оснований была изначально переведена ее участниками в плоскость производных от ценностей понятий и явлений. Вопрос о степени

⁶ См.: Винавер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 77–96.

⁷ См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. С. 121–122.

отражения и выражения, схожести и отличиях, представленных в конкурирующих неправдах, к примеру, жизни, свободы или собственности не ставился. Речь сходила о «частных и публичных интересах», «субъективных и объективных правах», «отдельных лицах и общественных учреждениях», «индивидуальной воле и государственной власти» как об объектах посягательства, каждый из которых, по убеждению правоведов, якобы принадлежит исключительно своей отрасли права и имеет свою противоположность в другой неправде. Возвращаясь к оспариванию состоятельности выбранного многими криминалистами исследовательского пути не имеет смысла. Его сторонники и оппоненты уже сделали свое дело. Обоюдными усилиями привели дискуссию к печальному итогу. Низвели ее до уровня отвлеченных категорий, содержание которых, как правило, от них самих не зависит, а каждый раз как будто впервые черпается из бытующего типа правопонимания.

Оригинальность и необычность, с общеправовой точки зрения, аксиологического подхода состоит в предложении отыскивать отличия двух неправд, или отраслей в *сущности* их объектов и субъектов. Сторонникам традиционных представлений о праве покажется нетипичным то, что, к примеру, личность как субъект или собственность как объект могут быть по-разному обозначены в уголовном и гражданском праве. В литературе разделяется прямо противоположное убеждение. Активно обосновываются позиции о недопустимости понятийного расхождения, необходимости терминологической унификации или о том, чтобы используемые в уголовном законодательстве понятия из цивилистики использовались в том значении, в котором они определены в гражданском законе.

В самом по себе призыве о соблюдении дефиниционной дисциплины, безусловно, нет ничего предосудительного. Сложившаяся в этой области ситуация требует наведения порядка, поскольку дело уже дошло до того, как отмечают юристы, что «оторвавшись однажды друг от друга, уголовный и гражданский законы в дальнейшем своем развитии изолировались и зажили каждый своей жизнью и своими интересами <...> Специализация достигла таких пределов, что в настоящее время уже недалеко от истины общеизвестное шутовое определение, согласно которому «цивилист — это юрист, который не знает уголовного права, а криминалист — юрист, который не знаком с правом гражданским»⁸. Однако представляется, что синхронизацию отраслей нельзя подменять их унификацией. Аксиологи напоминают, что каждой из них соответствует свой уровень цен-

ностей и разработанный для их отображения в праве понятийный аппарат.

При первом приближении можно обнаружить, что уголовное право в отличие от гражданского имеет дело не с физическими и юридическими лицами (гл. 3–4 ГК РФ), а с личностью (разд. VII УК РФ); не столько с вещью и вещным правом (гл. 6, 13 ГК РФ), сколько с самой по себе собственностью (гл. 21 УК РФ); не с усмотрением и понуждением (ст. 9, 421 ГК РФ), а со свободой и рабством (гл. 17 УК РФ); не с согласием и разногласием (гл. 27–29 ГК РФ), а с миром и войной (гл. 34 УК РФ). То есть уголовное право обеспечивает охрану тех ценностей, которые Н.А. Бердяев, руководствуясь собственными представлениями об их градации, относил к числу исходных, самых глубоких и абсолютных в жизни человечества⁹. В свою очередь, Н.О. Лосский включил отмеченные блага в состав сверхличных ценностей, не найдя им место в ценностях более низшего порядка — ни в ценностях телесного процесса, ни в ценностях личного бытия, где правит бал примитивное чувство удовлетворения. Отмеченные ценности самым непосредственным образом противостоят ценностям противоположного плана — антиценностям, обнаруживающим возможность крайнего эгоизма и предпочтения ничтожных интересов¹⁰.

Несмотря на некоторые отличия в подходе к градации ценностей, можно уверенно сказать, что сходным образом статус названных благ определял Н. Гартман. По мнению мыслителя, все вместе они входят в единую и образуют большую, содержательно наполненную духовную массу, которая принадлежит всем и никому, никем не изобретенную и никем не созданную, но которая в живом своем преобразовании все же существует. Такого рода блага он относил к ценностям первого ряда, или к самоценностям, поскольку не созданы человеком, а даны ему — как бы вложены ему в руки. Эти ценности, конечно, не существуют без человека, но действуют независимо от нашего понимания или мнения, образуют суперэкзистенцию над индивидом, который в них живет¹¹.

Мыслитель не создал иерархии сугубо правовых ценностей. Однако в структуре их этической градации рассматривал охраняемые уголовным правом блага как наиболее общие и элементарные ценности с самой простой структурой, которые всегда и фактически оказываются элементами более сложных, собственно этических благ. Но, несмотря на невысокое положение в царстве нравственных ценностей,

⁹ См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 358–359.

¹⁰ См.: Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2011. С. 8, 10–12.

¹¹ См.: Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении. СПб.: Азбука, 2001.

⁸ См.: Винавер А.М. Указ. соч. С. 77.

они, по убеждению немецкого философа, имеют в сфере человеческой жизнедеятельности значительно большую силу, чем так называемые высокие ценности. Элементарное всегда является превосходящим по силе и независимости. Нарушение низшей ценности в целом серьезнее, чем нарушение высшей, поскольку они более фундаментальны и жизненно необходимы. Низшая ценность затрагивает более широкий круг ценного вообще. Из-за ее нарушения нравственные устои и моральная жизнь страдают гораздо больше, чем из-за нарушения более высокой ценности. Сила низших ценностей действует безусловно, так как их реализация — если и не всегда, то все же в большинстве случаев — есть условие для осуществления и более высоких ценностей. Они требуют поэтому первостепенного и самого безусловного воплощения. Лишь при таком условии для человека имеет смысл исполнение более высоких ценностей. Здесь достаточно упомянуть, что все вещи и отношения, попадающие в поле зрения человека, он соотносит с ценностью жизни и согласно этому разделяет на блага и беды¹².

Ценности и не-ценности гражданско-правового оборота заметно другие. На фоне отмеченного сопоставления представляется вполне очевидным, что ни одно из гражданских благ не может претендовать на статус охраняемых уголовным правом ценностей. Значимость цивилистических явлений выглядит элементарнее. Однако это качество не отменяет безусловность того, что охраняемые уголовным и гражданским правом блага взаимосвязаны. По логике Н. Гартмана, ценности гражданского права попросту образуют продолжение иерархии ценностей «вниз», а уголовно-правовые блага заключают в себе аксиологическое исполнение производных благ. Невысокий статус гражданско-правовых ценностей обусловлен тем, что они по своей сути являются юридическими фикциями, то есть теми правовым символами, которые по своей природе обозначают либо то, чего не существует в действительности, либо что-то отвлеченное от реального и подлинного, что имеет производное или репродуктивное значение.

Возникновение отмеченных фикций имеет свои причины. Они всецело определены специфичностью конкретной отрасли и степенью ее абстрагированности от плоти человека, работой с надстроечным уровнем его действительности. Если человека в уголовно-правовом понимании образуют жизнь, здоровье, свобода и некоторый достаток, то гражданское право не интересуется наличием в нем отмеченных компонентов. Их при-

сутствие в индивиде не обсуждается. Для признания за гражданином статуса правоспособного физического лица гражданскому праву требуются ценности другого порядка — достижение им определенного возраста, наличия у него имени, места жительства, способности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права.

По сравнению с уголовно-правовыми благами ценности цивилистики, как видно, отличаются онтологической несодержательностью или, как точно выразился Д.И. Мейер, бесплотностью¹³. Они имеют более узкие возможности и более выраженное для-себя-бытие. Поэтому в нарушении отмеченных ценностей не кроется той опасности, которая заставляет работать инстинкт самосохранения. Там, где нарушена гражданско-правовая ценность, страдает немного, то есть только то, что находится на их уровне. Фундаменты под ними остаются нетронутыми. Используя аргументацию Н. Гартмана, можно сказать, что не способный к гражданским благам индивид от этого еще не является преступным человеком, его поведение не угрожает никому, он лишь не имеет некоторых моральных и деловых качеств. Производный и абстрактный характер гражданских ценностей не дает посягателю напрямую влиять на базовые правовые блага, с которыми имеет дело уголовное право. Поэтому посягательства на них не способны привести к состоянию опасения, к характерному для него уничтожению или разрушению человека, общества или государства.

Уровень нетипичности аксиологического предложения по поиску отрасли самой себя и своей неповторимости через исследование особенностей охраняемых объектов и оценивающих их субъектов определяется еще и тем, что в теории уголовного права вообще не представлено учение о субъектах этого права. В источниках рассматриваемой отрасли речь обычно идет либо о субъектах преступления, уголовной ответственности, наказания, либо о личности, населении, государстве, государственной власти и ее институтах как защищаемых объектах. О них как о субъектах уголовного права дискуссия практически не ведется. В подавляющем большинстве случаев безоговорочно признается и воспринимается, что безальтернативным субъектом этого права является государство. Теория уже довольно продолжительное время развивается в пределах только одной традиции, которая рассматривает личность в качестве объекта карательного правоотноше-

¹² См.: Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 179, 346, 529–541.

¹³ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 126.

ния. С давних пор считается и никем не оспаривается то, что уголовное право, как пишет А.Д. Киселев, обращено только к подданному государству, который нарушил запрет уголовного закона, при условии возможности понимать свойство (физическую сторону) и значение (юридическую сторону) им совершенного или руководить своими поступками¹⁴.

Однако с аксиологических позиций можно утверждать, что подобного рода теории не отвечают объекту своего познания, в полноценном виде не отображают его сущность и природу. Хотя общеизвестно, что право, как писал И.А. Ильин, немислимо без того существа, для которого оно, чье оно, через которое оно. Субъект для права есть хранитель его мерила и критерия¹⁵. При этом дело даже не в аксиологии. На ее фоне просто более очевидно просматривается имеющаяся и продолжительно сохраняющаяся в теории на этот счет прострация. Речь идет о непонимании того, что вне человека ценности быть не может. Ценность может «выступать» только в конкретной личности. Угодно это теории или нет, но личность, общество и государство как основные устроители всего социального мира и носители его ценностей всегда присутствуют в уголовном праве как его субъекты. Если с аксиологических позиций посмотреть на уголовный закон, то можно обнаружить, что в названиях его разделов поименованы именно субъекты, а не родовые объекты, как утверждает современное учение об объекте преступления. Именно субъекты по своему образу и подобию конституируют эту отрасль права, находясь при этом выше законодателя, правоприменителя и обывателя, оставляя за ними лишь вопросы по производству, исполнению и нарушению ее норм в реальной повседневной жизни.

При этом субъекты уголовного права отличаются от субъектов иных отраслей права. Первая особенность исследуемой отрасли состоит в том, что оно не изобретает себе субъектов. Воспринимает своих инициаторов такими, какими они представлены в бытии в полной своей непосредственности. Эволюция уголовного права до сих пор не допустила появления в сфере его правового воздействия каких-то необычных для всего бытия субъектов, как это часто происходит в иных отраслях права для их сугубо специфических нужд. Для собственных потреб в них сочиняют агентов, абонентов, резидентов, покупателей, нанимателей, а также бесконечное множество других лиц, которые А.Ф. Бернер еще в XIX в. с позиции уголовно-правовых начал назвал «ничем иным, как отвлеченными образами», способными иметь

только воображаемую волю и совершать кажущиеся преступления¹⁶.

Другая особенность скрывается в статусе субъектов и в характере их взаимоотношений. Если в гражданском праве личность, общество и государство обезличены категорией «лица» и безотносительно к своей природе уравниваются в основаниях и процессе приобретения, изменения и прекращения своих прав (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 124, разд. 2 ГК РФ), то в уголовном праве они представлены в своем неискаженном, можно сказать, самобытном виде. За гражданско-правовыми и политэкономическими ширмами неподготовленному взгляду, конечно, не разглядеть того, что сферу последнего образуют взаимозависимые и предназначенные друг для друга субъекты. Обеспечивая защиту личности (гл. 16–18 УК РФ), уголовное право охраняет, как выразился Б.Н. Чичерин, «краеугольный камень всего общественного здания»¹⁷, ибо от способности личности воспроизводить, к примеру, жизнь зависит жизнеспособность как общества, так и государства. Охраняя общественный и нравственный порядок (гл. 24, 25 УК РФ) и основы конституционного строя (гл. 29 УК РФ), уголовное право признает и реализует предназначение общества для личности — обеспечивать условия взаимодействия людей и порядок их общежития, социальную судьбу каждого индивида; государства для личности и общества — «ограждать и организовывать жизнь людей, принадлежащих к определенному политическому союзу», то есть обеспечивать, как писал И.А. Ильин, всему обществу и каждому индивиду в отдельности их естественное право на внешне свободную и внутренне самостоятельную жизнь¹⁸.

Третья отличительная черта состоит в круге и значении интересующих субъектов благ. Здесь, правда, необходимо оговориться, что подлинные уголовно-правовые ценности по признаку своей базовости не входят в сферу интересов человека, а в буквальном смысле составляют его самого. История развития наиболее традиционных составов преступлений подтверждает, что уголовное право призвано охранять не все ценности индивида, а только те, которые из всего их состава минимально необходимы как для человека, так и для общества с государством. Обеспечивает защиту жизни, здоровья, свободы и минимального достатка, то есть исключительно те блага, по наличию которых можно судить о нем как о правоспособной личности. Опыт становления иных институтов Особенной части уголовного законодательства подтверждает, что в своей основе они

¹⁴ См.: Киселев А.Д. Личность как объект карательного правоотношения. Ч. 1. Харьков: Тип. Печ. дело, 1901. С. 1.

¹⁵ См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 384.

¹⁶ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная. Часть общая. Т. 1 / прим. Н. Неклюдова. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Ко, 1865. С. 339–340.

¹⁷ См.: Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 30.

¹⁸ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 325.

отражают выстроенный по такому же принципу ценностный ряд других субъектов права.

Еще одна особенность состоит в том, что опекаемые уголовным правом ценности одинаково значимы и необходимы для его субъектов в каждый момент их раздельного или совместного бытия. Может показаться, что это положение напрямую перекликается с теорией интересов, которая пользуется у криминалистов большим авторитетом. Ее сторонники часто утверждают, что ценности становятся ценностями тогда, когда «они удовлетворяют потребности общества и у общества возникает потребность обеспечить условия для существования и использования этого блага»¹⁹. Однако, несмотря на то, что в деятельности отечественного законодателя превалирует практика устройства уголовного закона именно по принципу интереса, с таким подходом согласиться нельзя. Весьма затруднительно представить и найти в истории подтверждение того, что общество некогда задумывалось о жизни как о потребности и даже сомневалось в необходимости ее охраны. Ценности уголовно-правового порядка, как правило, не вызывают сомнения и не требуют, в отличие от процесса достижения гражданско-правовых благ, широкого обсуждения, поиска и достижения компромисса. Ценностная безальтернативность этих благ такова, что компромисс уже содержится в них и предполагается самим фактом их бытия в социуме. Представления о сверхценности благ зиждутся на уровне бессознательного и воспринимаются субъектами как само собой разумеющиеся. Как минимум в среднесрочной культурно-исторической перспективе не пересматриваются и не переподчиняются изменчивой моде. Если же так называемые ценности вызывают сомнение, то надо полагать, что это не те блага, которые заслуживают уголовно-правовой охраны.

Уголовное право, судя по нормативным источникам, защищает ценности не произвольным образом и не от безграничного множества посягательств, а прежде всего от тех видов деяний, которые отвечают специфике конкретного субъекта права и характеризуются для него своей непереносимостью, ведут к дезорганизации, интроверсии или к его разрушению. Охраняя жизнь, уголовный закон защищает жизнь не только отдельного человека, но и общества с государством — личность от убийства (ст. 105 УК РФ), общество от массового беспорядка и террора (гл. 24 УК РФ), а государство от захвата власти над ним (гл. 29–32 УК РФ), то есть от тех посягательств, каждое из которых для них «подобно смерти».

Аналогичным образом дело состоит с охраной собственности. В случае с ней уголовное право не ограничивается защитой вещного права владельца имущества. Исходя из структуры социума, статуса, взаимоназначения и положения

в ней рассматриваемых субъектов, уголовное право охраняет еще и персональные источники собственности каждого из них. Несмотря на разрозненное отображение в действующем уголовном законе норм, реализующих отмеченное положение, можно тем не менее сказать, что оно его реализует — защищает личность от запрета на труд и его неоплаты (ст. 145, 145¹ УК РФ), общество — от массового передела собственности (гл. 21 УК РФ), государство — от неуплаты ему налогов и иных сборов (198–199² УК РФ). Таким образом, уголовное право обеспечивает не только незабываемость структуры социума, достаток и жизнеспособность его основных столпов. Оно также защищает баланс сил личности, общества и государства в отношениях собственности и закономерно дифференцирует их взаимную уголовную ответственность, ограничивая как абсолютное право личности на свою собственность (ст. 198, 199 УК РФ), так и право государства на имущество личности (ст. 285, 285¹, 286 УК РФ). В итоге уголовное право постулирует в социуме пропорциональность «между правом частной собственности как свободой и правом частной собственности как социальной обязанностью»²⁰. Дисциплинирует и человека, который никогда не должен забывать, что необходимое ему государство вправе поддерживать свои учреждения за счет граждан, и государство, которое, как говорил Ж. Бодэн, не должно преодолевать порог домашнего хозяйства²¹. Оно также должно помнить, что чем выше поднимается благосостояние граждан, тем эффективнее само государство способно находить «средства для исполнения своих задач»²².

Таковы, в самых общих чертах, аксиологические основания уголовного права и возможности ценностного подхода. Они, конечно, далеко не в полном объеме здесь представлены. Но их уже на данном уровне достаточно для понимания его потенциала. Главное из достоинств, как видно, состоит в том, что при поиске уголовного права в социуме и оправдании его нахождения в нем этот подход не ограничивается узким форматом, к примеру, общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны. В процесс установления социальных оснований и объяснения отношения уголовного права к личности, обществу и государству аксиологический подход реально вовлекает практически все его основные институты. В ценностной системе координат не общественные отношения как универсальное средство, которое во многом назначено и используется современной теорией для

¹⁹ См.: Винокуров В.Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8. С. 100–106.

²⁰ См.: Шамхалов Ф. Философия бизнеса. М.: Экономика, 2010. С. 30.

²¹ См.: Bodin J. The Six books of a Commonweale. Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 110.

²² См.: Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 277.

объяснения подавляющего числа происходящих в уголовно-правовой сфере процессов, а каждый из институтов исследуемого права приобретает возможность самостоятельно «отвечать» за себя, свое предназначение и структуру с ориентиром на сущность сугубо своих субъектов и их онтологическую взаимосвязь.

В состав аксиологии уголовного права еще надлежит включить и рассмотреть вопросы ценности самого этого права как отрасли, его антиценностей, принципов и т.д. Некоторые специалисты, правда, не поддержат подобную инициативу. Будут убеждать в том, что за вышеотмеченными сопоставлениями и сравнениями ничего кроме незамысловатой «игры слов» не стоит. Такие попытки уже предпринимаются. Исходя из совершенно «обыденной» аргументации, высказываются мнения о том, что аксиологический подход бесплоден. Не способствует решению задач по определению понятия объекта преступления, разграничению смежных составов и установлению сферы действия уголовного закона²³.

Однако не вызывает сомнения, что суждения о бесполезности для уголовного права аксиологического подхода ошибочны. Но проблема состоит, безусловно, не в этих мнениях. Проблема для современной теории уголовного права и большинства ее представителей заключается в том, что в вышеотмеченных категориях и явлениях действительно заложен глубокий и определяющий смысл. Другое дело, что традиционному исследовательскому пути не «по плечу» возможность раскрывать и понимать отличия одних ценностей от других, приобщать знания о них к практической сфере. Для достижения столь нелегкой цели требуется обладание метафизическими знаниями, поскольку как нравственные, так и правовые требования «не суть реальные факты, которые устанавливаются опытным путем: это явления, — как писал Б.Н. Чичерин, — метафизического свойства, вытекающие из метафизических основ человеческого естества и без этого совершенно не понятные»²⁴.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
2. Бочкарев С.А. Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 125–132.
3. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная. Часть общая. Т. 1 / прим. Н. Неклюдова. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1865. 364 с.
4. Винавер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 77–96.
5. Винокуров В.Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8. С. 100–106.
6. Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении. СПб.: Азбука. 2001. 320 с.
7. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
8. Гегель В.Г.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера; вступ. ст. В.С. Соловьева; примеч. В.С. Нерсисянца. М.: Мир книги: Литература, 2007.
9. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 512 с.
10. Киселев А.Д. Личность как объект карательного правоотношения. Ч. 1. Харьков: Тип. Печ. дело, 1901. 273 с.
11. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск: Издательство Белорус. Экзархата, 2011. 528 с.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. 290 с.
13. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. 668 с.
14. Тимошенко А.А. Механизмы защиты от необоснованного ареста имущества по уголовным делам об экономических преступлениях (возможные способы доступа правосудию третьих лиц) // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 107–116.
15. Тимошенко Ю.А. В поисках оптимальных мер правовой защиты невозобновляемых биоресурсов: на примере уголовно-правовой охраны краснокнижных видов // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 223–232.
16. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 2005. 509 с.
17. Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 1997. 555 с.
18. Шамхалов Ф. Философия бизнеса. М.: Экономика, 2010. 380 с.
19. Bodin J. The Six books of a Commonweale. Mass.: Harvard University Press, 1962. 794 p.

Axiologycriminal law: introduction to the topic and problems of its formation

Bochkarev S.A.,

PhD in Law, senior researcher,
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract. *The author draws attention to the negative results achieved by the science of criminal law while following in the development of his theory on desexualizes way. The article considers and proves the possibility and usefulness of axiological approach with knowledge of the criminal law.*

Keywords: *criminal law, object of crime, subject of criminal law, axiology of law, ontology of law, metaphysics, values.*

²³ См., напр.: Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 100–106.

²⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 435.

References:

1. Berdjaev N.A. Padenie svjashhennogo russkogo carstva: Publicistika 1914–1922 / sost. i primech. V.V. Sapova. M.: Astrel', 2007. 1179 s.
2. Bochkarev S.A. Kvazicennost' sovremennogo uchenija ob obekte prestuplenija // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 3 (4). S. 125–132.
3. Berner A.F. Uchebnik ugolovnogogo prava: Chasti obshhaja i osobennaja. Chast' obshhaja. T. 1 / prim. N. Nekljudova. SPb.: Tip. N. Tiblena i Ko, 1865. 364 s.
4. Vinaver A.M. Na grani ugolovnoj i grazhdanskoj nepravdy // Antologija ural'skoj civilistiki. 1925–1989: sb. st. M.: Statut, 2001. S. 77–96.
5. Vinokurov V.N. Aksiologicheskij i funkcional'nyj podhody k opredeleniju ob#ekta prestuplenija // Sovremennoe pravo. 2014. № 8. S. 100–106.
6. Gartman N. Sistematičeskaja filosofija v sobstvennom izlozhenii. SPb.: Azbuka. 2001. 320 s.
7. Gartman N. Jetika. SPb.: Vladimir Dal', 2002. 708 s.
8. Gegeľ V.G.F. Filosofija prava / per. s nem. B.G. Stolpnera; vstup. st. V.S. Solov'eva; primech. V.S. Nersesjanca. M.: Mir knigi: Literatura, 2007.
9. Il'in I.A. Obshhee učenje o prave i gosudarstve. M.: AST: Hranitel', 2006. 512 s.
10. Kiselev A.D. Lichnost' kak obekt karatel'nogo pravootnošenija. Ch. 1. Har'kov: Tip. Pech. delo, 1901. 273 s.
11. Losskij N.O. Uslovija absoljutnogo dobra. Osnovy jetiki. Minsk: Izdatel'stvo Belarus. Jekzarhata, 2011. 528 s.
12. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 1. M.: Statut, 1997. 290 s.
13. Poznyshev S.V. Osnovnye nachala nauki ugolovnogogo prava. Obshhaja chast' ugolovnogogo prava. M.: A.A. Karcev, 1912. 668 s.
14. Timoshenko A.A. Mehanizmy zashhity ot neobosnovannogo aresta imushhestva po ugolovnym delam ob jekonomičeskikh prestuplenijah (vozmozhnye sposoby dostupa pravosudiju tret'ih lic) // Biblioteka kriminalista. 2015. № 6 (23). S. 107–116.
15. Timoshenko Ju.A. V poiskah optimal'nyh mer pravovoj zashhity nevozobnovljaemyh bioresursov: na primere ugolovno-pravovoj ohrany krasnoknizhnyh vidov Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 223–232.
16. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast': uchebnik / pod red. A.I. Raroga. M.: Jurist, 2005. 509 s.
17. Chicherin B.N. Izbrannye trudy. SPb.: SPbGU, 1997. 555 s.
18. Shamhalov F. Filosofija biznesa. M.: Jekonomika, 2010. 380 s.
19. Bodin J. The Six books of a Commonweale. Mass.: Harvard University Press, 1962. 794 p.